

этом выматывались очень сильно. Тарелка супа, похожего на клейстер, и ложка сухой пшенной каши с сухарями никак не восполнili затраченной энергии. Мы шли из столовой усталые и голодные, на все приказания старшины «Запевай!» никто не запевал.

Проходим строем мимо казармы – команды «Стой» не последовало. Идем дальше, выходим на плац. «Запевай!» - молчим. «Запевай!» - молчим. Мы в гимнастерках, в шапках, в руках кружки и ложки. Маршируем по плацу. А ведь декабрь! У нас в батарее 12 человек грузин, смотрю – у некоторых уже уши побелели, а у кого носы и щеки. Вдруг команда: «Ложись! Попластунски!» Ложимся, ползем. Наконец кто-то не выдерживает и запевает «Сулико». Следует команда: «Встать! Бегом в казарму!». Старшина победил.

А финал этой истории был такой: десять из двенадцати грузин попали в санчасть с разными обморожениями ушей, щек, носов и даже пальцев рук. Все они написали коллективное письмо командиру дивизиона и в Киевский Особый Военный округ. Приехала «Тройка», был закрытый суд. Командир батареи написал старшине отличную характеристику и старшину лишили положенного ему отпуска, поскольку он «сверхсрочник». Жизнь продолжалась.

Кроме ежедневных занятий у орудия в артпарке, у нас были занятия в помещении по теории стрельбы и подготовке данных для стрельбы. С этим у меня проблем не было – математику я знал прилично, ведь по совету друзей я сдал документы и вступительные экзамены в УЗПИ в надежде, что если попаду в хорошую часть служить, может быть удастся и контрольные писать. Но этого, к сожалению, не случилось.

Были у нас и занятия по устройству и вооружению немецкой армии, как армии «вероятного противника»,